

Виктор Гюго

Собрание сочинений

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г99

Г99 **Гюго В.М.**
Собрание сочинений: Том 6 / Виктор Гюго – М.: Книга по Требованию, 2019. –
480 с.

ISBN 978-5-458-23132-9

Библиотека "ОГОНЕК"
Собрание сочинений
в шести томах

Виктор Гюго (1802-1885) - один из самых ярких представителей прогрессивно-романтического течения французской литературы XIX века. В данное собрание вошли известные произведения автора. В шестой том собрания вошли исторический роман "Девяносто третий год", стихотворения. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1988 года

ISBN 978-5-458-23132-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

часть первая

В МОРЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДРЕЙСКИЙ ЛЕС

В последних числах мая 1793 года один из парижских батальонов, прибывших в Бретань под командованием Сантерра, вел разведку в грозном Содрейском лесу, близ Астилле. Около трехсот человек насчитывал теперь этот отряд, больше чем наполовину растаявший в горниле суровой войны. То было в те дни, когда после боев под Аргоном, Жемапом и Бальми в первом парижском батальоне из шестисот волонтеров осталось всего двадцать семь человек, во втором — тридцать три и в третьем — пятьдесят семь человек. Памятная година героических битв.

Во всех батальонах, посланных из Парижа в Вандею, было девятьсот двенадцать человек. Каждому батальону придали по три орудия. Сформировали их в спешном порядке. 25 апреля, в бытность Гоше министром юстиции и Бушотта военным министром, секция Совета предложила послать в Вандею несколько батальонов волонтеров; член Коммуны Любен сделал соответствующее представление; первого мая Сантерр уже мог направить к месту назначения двенадцать тысяч солдат, тридцать полевых орудий и батальон канониров. Эти батальоны, созданные столь молниеносно, оказались столь удачно сформированными, что и поныне еще служат образцом при определении состава линейных рот; именно тогда впервые изменилось традиционное соотношение между числом солдат и числом унтер-офицеров.

Двадцать восьмого апреля Коммуна города Парижа дала своим волонтерам краткий наказ: «Ни пощады, ни снисхождения!» К концу мая из двенадцати тысяч человек, покинувших Париж, восемь тысяч пали в бою.

Батальон, углубившийся в Содрейский лес, был начеку. Продвигались не торопясь. Зорко смотрели по сторонам направо и налево, вперед и назад; недаром Клебер

говорил: «У солдат и на затылке глаза». Шли уже давно. Который мог быть час? Начало или конец дня? Трудно сказать, так как в здешних глухих чащобах безраздельно господствует вечерняя мгла, и никогда в этом лесу не бывает по-настоящему светло.

Трагический Содрейский лес! Здесь, среди лесных зарослей, в ноябре 1792 года свершилось первое злодеяние гражданской войны. Из гибельных дебрей Содрей вышел свирепый хромец Мускетон; длинный перечень убийств, совершенных тут, вызывал невольную дрожь. Нет места страшнее. Солдаты с осторожностью углублялись в лес. Все было в цветении; вокруг смыкалась колеблющаяся завеса ветвей, изливавших сладостную свежесть молодой листвы; солнечные лучи лишь местами пронизывали зеленую мглу; под ногой шпажник, касатик, полевые нарциссы, весенний шафран, безымянные цветочки — предвестники тепла — словно шелковыми нитями и позументом расцвечивали пышный ковер трав, куда вплетался разнообразным узором мох: здесь он извивался, подобно зеленым гусеницам, а там распускался звездами. Солдаты шагали медленно в полном молчании, бесшумно раздвигая кустарник. Над остриями штыков щебетали птицы.

В гуще Содрейского леса некогда, в мирные времена, устраивались ночные охоты на пернатых, ныне здесь шла охота на людей.

Стеной стояли березы, вязы и дубы; под ногами ровная земля; густая трава и мох поглощали шум человеческих шагов; ни тропинки, а если и встречалась случайная тропка, то тут же пропадала; заросли остролиста, терновника, папоротника, шпалеры колючего столбика — и в десяти шагах невозможно разглядеть человека.

Пролетавшая иногда над шатром ветвей цапля или водяная курочка указывали на близость болота.

Люди шли. Шли навстречу неизвестности, боясь найти то, что искали.

Время от времени попадались следы привала: выжженная земля, примятая трава, сбитый из палок крест, окровавленные ветки. Вот там готовили ужин, тут служили мессу, там перевязывали раненых. Но люди, бывавшие здесь, исчезли бесследно. Где они сейчас? Может быть, уже далеко? Может быть, совсем рядом, за-

легли в засаде с мушкетонам в руке? Лес словно вымер. Батальон двигался вперед с удвоенной осмотрительностью. Закон пустыни — недоверие. Не видно никого — тем больше оснований кого-то остерегаться. Недаром о Содрейском лесе ходила дурная слава.

В таких местах всегда возможна засада.

Тридцать гренадеров, посланных лазутчиками под командой сержанта, ушли вперед далеко от основной части отряда. С ними отправилась и батальонная марки-тантка. Маркитантки вообще охотно следуют за головным отрядом. Пусть на каждом шагу подстерегает опасность, зато чего только не насмотришься... Любопытство — одно из проявлений женской храбрости...

Вдруг солдаты маленького передового отряда почувствовали тот знакомый охотнику трепет, который предупреждает его о близости звериного логова. Будто слабое дуновение пронеслось над непроходимым кустарником, и, казалось, что-то шевельнулось в листве. Идущие впереди подали знак остальным.

Когда солдаты посланы в дозор или на разведку, офицерам незачем вмешиваться: то, что должно быть сделано, делается само собой.

В мгновение ока подозрительное место было окружено и замкнуто в кольцо вскинутых ружей: черную глубину чащи взяли на прицел со всех четырех сторон, и солдаты, держа палец на курке, не отрывая глаз от подозрительного куста, ждали лишь команды сержанта.

Но маркитантка отважно заглянула под шатер ветвей, и, когда сержант уже готов был отдать команду «пли!», — раздался ее крик:

— Стой!

Затем, повернувшись к солдатам, она добавила:

— Не стреляйте, братцы.

Она нырнула в кусты. Солдаты последовали за ней.

И впрямь там кто-то был.

В самой гуще кустарника на краю круглой ямы, где лссорубы, как в печи, пережигают на уголь старые корневища, в просвете расступившихся ветвей, словно в зеленой горнице, полускрытой, как альков, завесою листвы, сидела на мху женщина, она кормила грудью младенца, а на коленях у нее покоились две белокурые голочки спящих детей.

Так вот она, засада!

— Что вы здесь делаете? — воскликнула марки-тантка.

Женщина подняла голову.

— Вы, видно, с ума сошли, что сюда забрались! — с яростью проговорила маркитантка и добавила: — Еще минута, и вас бы убили на месте!.. — Повернувшись к солдатам, она пояснила: — Это женщина.

— Будто сами не видим! — отозвался кто-то из гре-надеров.

А маркитантка все не унималась:

— Пойти вот так в лес, чтобы тебя тут же убили...

Надо ведь такую глупость придумать!

Женщина, оцепенев от страха, с изумлением, словно спросонья, глядела на ружья, сабли, штыки, на свире-пые физиономии.

Дети проснулись и захныкали.

— Мне есть хочется, — сказал один.

— Мне страшно, — сказал второй.

Лишь младенец продолжал сосать материнскую грудь. К нему-то и обратилась маркитантка:

— Только ты один у нас молодец.

Мать онемела от ужаса.

— Да не бойтесь вы, — крикнул ей сержант, — мы из батальона Красный Колпак!

Женщина задрожала всем телом. Она взглянула на сержанта: на этом суровом лице выделялись лишь густые усы, густые брови и пылавшие, как уголья, глаза.

— Бывший батальон Красный Крест, — пояснила маркитантка.

А сержант спросил:

— Ты кто такая, сударыня, будешь?

Женщина, застыв от ужаса, не спускала с него глаз. Она была худенькая, бледная, еще молодая, в жалком рубище; на голову она, как все бретонские крестьянки, накинула огромный капюшон, а на плечи шерстяное оде-яло, подвязанное у шеи веревкой. С равнодушием ди-карки она даже не потрудилась прикрыть голую грудь. На сбитых в кровь ногах не было ни чулок, ни обуви.

— Видать, нищенка, — решил сержант.

В разговор снова вмешалась маркитантка, и хотя ее вопрос прозвучал по-солдатски грубо, в нем чувствува-лась женская мягкость:

-- Как звать-то?

Женщина, заикаясь, невнятно прошептала в ответ:
— Мишель Флешар.

А маркитантка ласково гладила шершавой ладонью головку младенца.

— Сколько же нам времени? — спросила она.

Мать не поняла. Маркитантка повторила:

— Я спрашиваю, сколько ему?

— А-а! Полтора годика, — ответила мать.

— Смотрите, какие мы взрослые! — воскликнула маркитантка. — Стыдно такому сосать. Придется, видно, мне отучать его от груди. Мы ему супу дадим.

Мать немного успокоилась. Двое старших ребятшек, проснувшись, смотрели вокруг с любопытством, и не думая пугаться. Они залюбовались гренадерскими плюмажами.

— Ах, — вздохнула мать, — они совсем изголодались. — И добавила: — Молоко у меня пропало.

— Еды им сейчас дадут, — закричал сержант, — да и тебе тоже! Не о том речь. Ты скажи нам, какие у тебя политические убеждения?

Женщина смотрела на сержанта, ничего не отвечая.

— Ты что, не слышишь, что ли?

Она пробормотала:

— Меня совсем молодой в монастырь отдали, а потом я вышла замуж, я не монахиня. Святые сестры научили меня говорить по-французски. Нашу деревню сожгли. Вот мы и убежали в чем были, я даже башмаков надеть не успела.

— Я тебя спрашиваю, каковы твои политические убеждения?

— Это вы о чем?

— Пойми ты, сейчас много шпионов развелось. А шпионов расстреливают. Ну, отвечай. Ты не цыганка? Где твоя родина?

Женщина глядела на сержанта, будто не понимая его слов.

Сержант повторил:

— Где твоя родина?

— Не знаю, — ответила женщина.

— Как так не знаешь? Не знаешь, откуда ты родом?

— Где родилась? Знаю.

— Ну, так и говори, где родилась.

Женщина ответила:

— На ферме Сискуаньяр в приходе Азэ.

Тут пришла очередь удивляться сержанту. Он на минуту замолк. Потом переспросил:

— Как ты сказала?

— Сискуаньяр.

— Какая же это родина?

— Это мой край.

Подумав с минуту, женщина сказала:

— Теперь я поняла, сударь. Вы из Франции, а я из Бретани.

— Ну и что?

— Это ведь разные края.

— Но родина-то у нас одна! — закричал сержант.

Женщина упрямо повторила:

— Из Сискуаньяра мы.

— Ну ладно. Сискуаньяр так Сискуаньяр! — согласился сержант. — Твоя семья оттуда?

— Да.

— А что делают твои родные?

— Умерли все. У меня никого нет.

Сержант, видимо, любитель поговорить, продолжал допрос:

— У всех есть родные или были, черт возьми. Ты кто такая? А ну, говори скорее.

Женщина оцепенела: эти «или были» напоминали скорее звериное рычание, чем человеческую речь.

Маркитантка поняла, что пришло время снова вмешаться в беседу. Она погладила по головке грудного младенца и ласково похлопала по щечкам двух старших.

— Как зовут крошку? — спросила она. — По-моему, она у нас девица.

Мать ответила:

— Жоржетта.

— А старшего? Этот сорванец, видать, кавалер.

— Рене-Жан.

— А младшего? Ведь и он тоже настоящий мужчина, гляди, какой щекастый.

— Гро-Алэн, — ответила мать.

— Хорошенькие детки, — заметила маркитантка, — посмотрите только, уже важничают.

Но сержант не унимался:

— Отвечай, сударыня. Дом у тебя есть?

— Был дом.

- Где был?
- В Аэ.
- А почему ты дома не сидишь?
- Потому что его сожгли.
- Кто сжег?
- Не знаю. Война сожгла.
- Откуда ты идешь?
- Оттуда.
- А куда идешь?
- Не знаю.
- Говори толком. Кто ты?
- Не знаю.
- Не знаешь, кто ты?
- Люди мы, спасаемся.
- А какой партии ты сочувствуешь?
- Не знаю.
- Ты синяя? Белая? С кем ты?
- С детьми.

Наступило молчание. Его нарушила маркитантка.

— А вот у меня детей нет,— сказала она.— Некогда было.

Сержант снова приступил к допросу:

— А родители твои? А ну, сударыня, доложи нам о твоих родителях. Меня вот, к примеру, звать Радуб, сам я сержант с улицы Шерш-Миди, мать и отец тоже там жили, я могу сказать, кто такие мои родители. А ты о своих скажи. Говори, кто были твои родители?

— Флешары. Просто Флешары.

— Флешары — это Флешары, а Радубы — это Радубы. Но ведь у человека не только фамилия есть. Чем они занимались, твои родители? Что делали? Что сейчас подельывают? Что они нафлешарничали, твои Флешары?

— Они землю пахали. Отец был калека, не мог работать с тех пор, как сеньор приказал избить его палками; так приказал сеньор, его сеньор, наш сеньор, это он по доброте велел избить отца за то, что отец подстрелил кролика, а ведь за это полагается смерть, но сеньор наш помиловал отца, он сказал: «Хватит с него ста палок», — мой отец с тех пор и стал калекой.

— Ну, а еще что?

— Дед мой был гугенотом. Священник велел сослать его на галеры. Я тогда еще совсем маленькая была.

— Дальше?
— Свекор мой контрабандой занимался — соль продавал. Король велел его повесить.
— А твой муж чем занимается?
— Сейчас воевал.
— За кого?
— За короля.
— А еще за кого?
— Ну, конечно, за своего сеньора.
— А еще за кого?
— Ну, конечно, за священника.
— Чтобы вас всех громом порасшибало! — вдруг заорал один из гренадеров.

Женщина даже подскочила от страха.

— Видите ли, сударыня, мы парижане, — любезно пояснила маркитантка.

Женщина в испуге сложила руки и воскликнула:

— О, Господи Иисусе!

— Ну-ну, без суеверий! — прикрикнул сержант.

Маркитантка опустилась рядом с женщиной на траву и усадила к себе на колени старших детей, которые охотно к ней пошли. У ребенка переход от страха к полному доверию совершается в мгновение ока и без всяких видимых причин. Тут действует какое-то непогрешимое внутреннее чутье.

— Бедняжка вы моя, бретночка, детки у вас такие милые, просто прелесть. Сейчас скажу, сколько им лет. Вот тому, что побольше, — четыре годочка, а младшему — три. А девица эта, смотри, как сосет, сразу видать, обжора. Ах ты, чудовище этакое! Ты так свою мамашу сгвсем скушаешь. Вот что, сударыня, вы ничего не бойтесь. Вступайте-ка в наш батальон. Будете вроде меня. Зовут меня Гусарша. Это мое прозвище. Но по мне уж лучше Гусаршей зовите, чем мамзель Двурогой, как мою матушку. Я маркитантка, а маркитантки, это, знаете, которые разносят воду, когда стреляют и убивают. А кругом все как в аду кипит. У нас с вами одинаковая нога, я вам свои башмаки подарю. Десятого августа я была в Париже и подавала напиток самому Вестерману. Вот оно как! Видела своими глазами, как гильотинировали Людовика Шестнадцатого, Луи Капета, так его теперь называют. Ух, и не хотелось же ему помирать! Да слушайте вы меня, черт возьми! Подумать только, еще тринадц-